

СИЛА ТРАДИЦИЙ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

А. Ф. Киселев, А. В. Лубков

Аннотация. Осмысление исторической судьбы России всегда актуально. Авторы статьи обосновывают взгляд о непрерывности и преемственности российской истории, фокусируя внимание читателей на судьбоносных фигурах Ивана III, Петра I, большевиков – славянофилов «наизнанку». Размышления о составляющих национальной идеи обращают к символам русской истории – имперскому Петербургу и Москве – цитадели российской государственности в противостоянии мировому злу. Принцип коллективизма интерпретируется в духе соборности, стягивающей поколения людей в единое целое и истоками уходящей в духовное наследие религиозного сознания русского народа. Авторы показывают, что на этом духовном наследии зиждилась многовековая историческая традиция спланиваться в критические периоды исторического бытия России. Примерами, иллюстрирующими российскую историческую традицию, по мнению авторов, выступает мобилизационная экономика и политика как великого московского князя Ивана III, положившего начало самодержавной России, так и советской власти, целиком вложившейся в строительство новой государственности.

Ключевые слова: традиции, изучение истории, судьба Россия, ценности, идеология, национальная идея, воспитание, уроки нравственности.

Для цитирования: Киселев А. Ф., Лубков А. В. Сила традиций в русской истории // Наука и школа. 2023. № 2. С. 71–78. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-71-78.

THE POWER OF TRADITION IN RUSSIAN HISTORY

A. F. Kiselyov, A. V. Lubkov

Abstract. Comprehension of the historical destiny of Russia is always topical. The authors substantiate the view of the continuity and succession of Russian history, focusing the readers' attention on the fateful figures of Ivan III, Peter I and the Bolsheviks – the Slavophiles' „inside out”. Reflections on the components of the national idea turn to the symbols of Russian history,

© Киселев А. Ф., Лубков А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

the imperial St. Petersburg, and Moscow, the citadel of Russian statehood in confronting the world evil. The principle of collectivism is interpreted in the communal spirit, pulling together generations of people into a single whole and rooted in the spiritual heritage of the religious consciousness of the Russian people. The authors show that the centuries-old tradition of uniting in critical periods of Russian history was based on this spiritual legacy. Examples illustrating the Russian historic tradition, according to the authors, are the mobilization economy and the policy of the tsar Ivan III, who laid the foundation of the autocratic Russia, and of the Soviet power that entirely invested in the construction of the new state.

Keywords: *traditions, studying history, the fate of Russia, values, ideology, national idea, upbringing, moral lessons.*

Cite as: Kiselyov A. F., Lubkov A. V. The Power of Tradition in Russian History. *Nauka i shkola*. 2023, No. 2, pp. 71–78. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-2-71-78.

Постижение истории несет с собой моральное очищение, связанное с более глубоким осознанием себя и отношением к добру и злу, в том числе в собственной душе. Это своеобразный фильтр отсеивания событийной «шелухи» и осознания сути как народной, так и собственной судьбы.

Во многом поэтому изучение истории является мощным средством духовно-нравственного воспитания подрастающих поколений. Историческая судьба России буквально пронизана и пропитана духовным, высоконравственным подвигом предшествующих поколений. Именно сила духа, вера в праведность собственного исторического пути в конечном итоге были главными составляющими преодоления всех невзгод, бед, напастей, столь обильно выпавших на долю России [1].

Выбранное ею на заре государственности слово Христово и стало той путеводной звездой, которая вела Россию по дорогам истории. Действительно, как сказано в Библии: «В начале было слово...». Разумеется, материальное важно и крайне необходимо, но если оно не подкреплено Духом, духовностью, то становится мертвым грузом и отнюдь не безобидным для тех, кто в избытке упивается материальными благами.

Материальное без духовного смысла выхолащивает душу и превращает человека в раба своих плотских вождений. Об этом убедительно свидетельствует исторический опыт России, когда сила меча сочеталась с силой духа. Так было на Куликовом поле и во всех судьбоносных для России войнах, и прежде всего в Великой Отечественной войне.

Для победы необходимы не только современное вооружение и организация войск, но и духовное оправдание войны теми, кто в ней участвует и является главным действующим лицом. За что вставать из окопов под пулеметный и артиллерийский огонь, жертвовать жизнью или получать тяжелые увечья? За прошлую, довоенную жизнь? Но если она была темной, несправедливой, безжалостной, то тогда есть ли смысл за нее сражаться? За будущее? Но какое? Связано ли оно с прошлым, и как изменит его? На эти вопросы неизбежно должен был ответить каждый боец на фронте и труженик в тылу.

Подобное состояние души солдата ярко и правдиво выражено, например, в песне «В лесу прифронтовом», где бойцы в промежутке между боями вспоминают дорогие сердцу лица, трудную, но светлую довоенную жизнь и осознают, что дорога к родному дому неизбежно

пролегал через войну... Происходит духовное оправдание войны как праведной и существенно возможной силы, которая вернет «свет и радость прежних дней», родных, любимых, близких. Слова Сталина «Наше дело правое» нашли отклик в сердцах миллионов советских людей.

В формировании этого важнейшего чувства как одного из главных условий Победы огромную роль сыграло советское учительство. Это их ученики шли ранним воскресным утром 22 июня 1941 г. после школьного выпускного вечера встречать зарю своей юности, а встретили зарево пожаров войны. Они не дрогнули в час испытаний, защитили Отечество. В том, что Красное знамя Победы взвилось над куполом рейхстага, огромная заслуга советского учителя, воспитавшего духовно и нравственно чистое поколение, жертвенно служившее своей Отчизне.

Победили не только силой оружия, но прежде всего силой духа. В растерзанной войной с миллионами жертв стране небывалого подъема достигла культура буквально во всех ее областях – литературе и поэзии, драматургии, музыке, киноискусстве, изобразительном искусстве и др. Это было творчество на уровне мировых шедевров. Разве могло это чудо произойти по приказу, социальному заказу власти? Нет. Это был духовный порыв и прорыв, отражающий состояние души и сердца многонационального советского народа, чья духовность выразилась во многом в том, что побеждали не ненавистью к врагу, а любовью к Родине, отцам и матерям, братьям и сестрам, родным и близким. Этим советский солдат отличался от фашистской белокурой бестии, тевтонов нового поколения, у которых не хватило духовных сил вынести тяготы и трагедии войны. У нас хватило, и мы победили!

История России преподает нам великие уроки нравственности, жертвенности, силы и высоты Духа как важнейшего условия и фактора преодоления тяжелых

испытаний и обретения под ногами прочной почвы свершений и побед. Поэтому по природе своей Россия не может быть бездуховной. Тело мертво, если от него отлетел Дух, и жизнь России зависит от того Духа, который Русь восприняла вместе с православием.

История учит, что от веры отцов полностью отказаться невозможно. Она вновь заявит о себе, но в новом облике. Так случилось с язычеством, которое было не разгромлено, а охристианизировано, и языческая «вера отцов» сравнительно безболезненно вписалась в православие, которое благодаря этому стало народной религией, во многом отличавшейся от западного христианства. Подобное отличие не в последнюю очередь связано с тем, что между словом Христа и русским народом не стояло преграды в виде чужого языка, в данном случае латыни.

Благодаря святым Кириллу и Мефодию, их переводам священных книг и церковным обрядам на славянском языке, новая вера воспринималась осознанно, в качестве национального дара, и без посредников, как на Западе [2], в виде церковного клира, который из-за знания латыни имел монополию на истину. Этот поворот в христианизации Руси самым серьезным образом повлиял и на выбор Руси – стремится ли она «владеть словом и быть землей Христа – или владеть знанием и быть государством» [3, с. 512]? Русь выбрала Слово и верна ему до сей поры.

Изменились ли символы русской истории после революции 1917 г.? Разумеется, но только по форме и в меньшей мере по сути. Кремль из символа национальной святости все больше превращался в форпост борьбы угнетенных народов Азии против господства хищного Запада. В этом революционном сдвиге проявилась закономерность, когда Россия, осененная словом Христовым, протянула руку братской помощи поработенным народам Азии и превращалась в

евразийскую державу, противостоящую Западу. Во многом именно в этом заключается один из смыслов Великой русской революции. Однако этот смысл был уже апробирован историей России, не раз выполнявшей освободительные миссии в Европе и Азии.

Символично и то, что практически сразу после Великого Октября столица России была перенесена из Петрограда в Москву. Тем самым была поставлена точка в прозападной ориентации страны, которую олицетворял Петербург, по меткому выражению Г. П. Федотова, – «немецкое пятно на русской карте» [3, с. 514].

Старая – Петербургская империя под ударами революции умирает, и центр борьбы за новую, теперь советскую империю переносится в Москву. Она вновь, как столетия назад, берет на свои плечи бремя объединения многонациональной России, но под другим флагом. Однако смысл остается прежним – миру нужна сильная, державная Россия, в том числе и как духовная сила, которая теперь выступает в новых, революционных одеждах, прикрывающих старые русские мечты о всеединстве стран и народов. Г. П. Федотов полагал, что Петербург выбрал в себя все гордое и рациональное и вне его осталась собственно Русь, «согбенная в труде, неистощимая в слезах, не успевающая оплакивать детей своих, пожираемых титаном» [3, с. 515].

Имперский Петербург в сущности отрицал исконную Россию, а революция, напротив, разбудила интерес к забытой матери-земле. Большевики провозгласили народ главным действующим лицом истории, достойным лучшей жизни. Это было грозное Слово в адрес приговоренной к небытию старой империи, и Петербург как символ императорской России, ориентированной на западные империи, умер. Смерть его была неизбежна, как неизбежна расплата за отход от веры отцов.

Москва – собирательница и охранительница русских земель с веками не

растеряла своей исключительной значимости, как стержень российской государственности и святых заветов отцов русской старины. Она не утратила связей с провинцией, и сама стала образцом своеобразного сочетания блеска столичной жизни с провинциальным укладом. Достаточно взглянуть на картину Поленова «Московский дворик», чтобы почувствовать сочный аромат провинциальной Москвы.

Древняя столица России была менее противоречива и более цельна, чем Петербург. Здесь органично сочетаются разные архитектурные стили, наслоения эпох, на улицах и улочках Москвы каждый мог и может найти что-то свое, родное, близкое сердцу и душе. Именно в этой душевности была сила Москвы как сердца России. К тому же Москва не стремилась всеми силами влиться в западную цивилизацию. Она была открыта и Востоку. Обратим внимание на факт, что Русь веками воевала со степью, но это были войны обособо рода – без ненависти, направленной на поголовное истребление противников.

Видимо, поэтому новые земли, отошедшие Российскому государству, воспринимались русскими как новая Родина, которую следует беречь и обихаживать. Даже не случайно, что Волга «не русская река», вскоре стала восприниматься русским как Волга-матушка и вызывать благоговение и поклонение своей водной ширью и природной силой. Она ассоциировалась с русской удалью и вольницей и стала одним из символов собственно Руси. Эта распахнутость Москвы просторам Евразии стала фундаментом превращения России в европейскую державу, объединяющую сотни этносов и различные конфессии. Имперская «гордыня и черствость» Петербурга нивелировалась широтой оставшейся православной Москвы, которая привлекала к себе другие народы милосердием и дружелюбием.

Г. П. Федотов писал: «Свободная от жестости власти Москва жалела Россию, как жалют отсталого, но милого ребенка, не имея сил принуждать его к учению» [3, с. 521]. Это была не унижительная жалость, а глубокая сострадающая и милосердная любовь к своему народу. Ее столь талантливо глубоко и разносторонне выразили славянофилы – московские мыслители, внесшие весомый вклад в русскую культуру, в мировоззрение и самосознание русского народа.

Ушло ли это после революционных событий 1917 г.? Отнюдь. Именно большевики, пусть варварскими методами, но разворачивали страну к чаяниям народа, к провозглашению его главной созидательной силой истории. Большевики – славянофилы «наизнанку», без идеи богоизбранного и богоносного народа, с переносом акцента с национального на интернациональное. Но смысл служения народу остался. К сожалению, слово «русский» чем дальше, тем больше предавалось забвению и даже поруганию, как проявление «великорусского шовинизма» – болезни, которой русский человек никогда не страдал.

Это был не злой умысел против русского народа, а следствие марксистско-ленинской идеологии, которая на первый и главный план выдвигала не национальный, а классовый принцип. По убеждению большевиков, именно классовая, в данном случае пролетарская, общность является главным мериллом консолидации общества. Национальные особенности должны отмирать, а солидарность тружеников без национальных различий – торжествовать.

Прочна ли эта установка? С одной стороны, безусловно да, так как дробит общество по социально-классовому принципу и во главу угла внутренней и внешней политики ставит классовую борьбу, с ее человеческими жертвами. С другой стороны, утверждая принципы пролетарского интернационализма, большевики боролись с национализмом,

грозившим не менее кровавыми, чем классовая борьба, распрями.

После Первой мировой войны Европа уверенно и неуклонно шла к фашизму. Единственной силой, противостоящей его торжеству, стал Советский Союз с его проповедью единства трудящихся в борьбе с мракобесием. В связи с этим меняется и роль Москвы. Теперь она призвана противостоять мировому злу как единственная несломленная цитадель. Советский Союз оказался преемником традиционной российской политики защиты добра и справедливости. Он вновь воочию демонстрирует верность слову Христа – защищать добро и воевать со злом. Задачи светские, но по сути – религиозные.

Парадокс заключался в том, что эти задачи решало атеистическое государство. Храмы закрывали, церкви грабили, но вместе с тем ставили задачу воспитания нового человека – бескорыстного, милосердного, коллективиста, для которого общее выше личного и т. д. По сути это был традиционный православный взгляд на человека, но только без Божьего промысла гимн человеку, отказавшемуся от Бога.

Теперь вершителем судеб провозглашается не Бог, а его творение – сам человек. Однако не просто человек, а человек, жизнь которого наполнена высокими смыслами служения Родине, добру, товариществу, милосердию и пр. В атеистической форме проповедовались прежние православные ценности. Так, принцип коллективизма, едва ли не главный в большевистской пропаганде, является не чем иным, как интерпретацией краеугольного принципа православия – соборности как духовного единства верующих христиан, стягивающего в единое целое прошлые, настоящие и будущие поколения православных людей.

Идея соборности была близка советским гражданам, которые не просто восприняли принцип коллективизма, а в соответствии с ним искренне строили свою

жизнь. Грандиозные успехи советской власти по социально-экономическому преобразению страны, а в годы Великой Отечественной войны по мобилизации сил для отпора врагу, связаны с тем, что советский народ ощущал себя единым целым. Это была соборность высшего, на уровне религиозного сознания как благодатного духовного наследия православия, а не только и не столько как результат «социалистического воспитания» масс.

Решающую роль играла многовековая историческая традиция русского народа сплываться перед лицом грозной опасности. Это был взращенный историей инстинкт самосохранения, мощно дававший о себе знать в критические периоды исторического бытия России. В данном порыве бились за «Веру, Царя и Отечество». Причем защита православия сливалась с защитой Отечества и государственности в виде самодержавия. Православие придавало духовный смысл ратным подвигам и этим кратно умножало силы защитников Руси – России.

Советская Россия стала наследницей не столько империи Петра I, сколько заветов великого князя, первого государя всея Руси Ивана III Великого. Исторические аналогии при всей их условности буквально напрашиваются. Советская Россия рождалась в горниле Гражданской войны, а Московское царство Ивана III сформировалось в результате победы в ходе тридцатилетней, по сути «гражданской», разорявшей Русь феодальной войны.

Большевики опрокинули планы интервентов расчленить Россию, а Иван III освободил Русь от тяжелейшего, раскалывавшего страну двухсотлетнего монгольского ига. Русь находилась в плотном враждебном окружении, и чтобы выжить, требовалась мобилизационная экономика и политическая система. Ее архитектором стал великий московский князь. Это его усилиями было создано служилое государство, в котором каждое сословие было обязано служить

своему государю. «Государево тягло» ложилось на плечи всех без исключения подданных московского государства, чем обеспечивалось социальная справедливость и авторитет государственной власти в широких слоях населения [4, с. 378–400].

Иван III положил начало формированию фундамента социальной опоры самодержавия – поместного, служилого дворянства. Главным принципом организации жизни страны стал служилый принцип, на началах которого Русь столь успешно развивалась, отстояла свой суверенитет и наращивала территории, превращалась в могучую евразийскую державу, во главе которой встал будущий император Петр I. Однако если Иван III наследовал от своего отца страну, лежавшую едва ли не в руинах феодальной войны и истощенную бременем монгольского ига, то Петр I получил уникальное наследство от московских царей в виде великой державы. У двух исполинов русской истории – Ивана III и Петра I – старты их государственных подвигов были разными. Вспомним меткую характеристику, данную русскому народу В. О. Ключевским, который в качестве отличительного признака русского народа указывал на духовные силы подниматься после тяжелейших испытаний, выпавших на его долю, а также на роль судьбоносных личностей в его истории [5, с. 310]. Заметим, наследство Ивана III – разрозненная страна, а Петра I – уже во многом великая держава.

У большевиков так же, как у Ивана III наследство было горькое, грозящее не только стагнацией, а полным крахом страны, лежащей в руинах первой мировой и гражданской войн. Ранее обильные сельскохозяйственные угодья заросли сорняками, потухли домны и мартеновские печи, опустели заводские и фабричные цеха, рабочие которых, дабы спастись от голода, разбрелись по деревням, встал железнодорожный транспорт. Примеры можно продолжать и продолжать... Где же выход?

Он был найден в российской традиции сильной, максимально централизованной государственной власти. Иван III положил начало самодержавной России, а большевики – самодержавию партийно-государственного аппарата, новой политической элиты, целиком вложившись в строительство новой государственности. Они рассматривали государство как главный инструмент строительства нового общества. Недаром Ленин признавал, что в России не созрели предпосылки и условия для социалистических преобразований, но созрели условия для политического переворота, взяв власть, опираясь на государство, партия в силах сделать то, что не успела «доделать история». Отсюда проистекает абсолютизация большевиками государственной власти, по сути самодержавной.

На вооружение была взята и другая историческая традиция – мобилизационная экономика, социальные отношения и политика. Большевики решали задачу спаять жесткой и во многом жестокой дисциплиной все общество и добились на этом поприще немалых успехов. Одной из главных забот Ленина было формирование социальной опоры новой власти. Была провозглашена «диктатура пролетариата», но не всего, не с отсталыми в политическом и ином отношении слоями, а его авангарда – большевистской партии, спаянной общей идеологией, целями и твердой, на грани военной, дисциплиной. Разветвленный государственный аппарат, в котором к концу гражданской войны трудились более 1 млн человек – больше, чем, например, передовых рабочих металлистов, а также многочисленные партийные работники и члены партии стали прочной социально-политической опорой новой власти, в

которой явственно проступали черты служилого государства и мобилизационного характера жизни страны.

Историческая традиция была возрождена и позволила советской власти не просто выжить, а динамично развиваться. Исторические традиции, формировавшиеся веками и выстраданные родной историей, независимо от того, собираются или нет на них опираться те или иные политические силы, дадут о себе знать и всегда вовремя, часто в критические периоды истории.

Наконец, итоги правления Ивана III подвел замечательный по силе философского осмысления мировой истории труд монаха Псковского Елеазаровского монастыря Филофея – «Москва – третий Рим». Это уникальный, пророческий взгляд на историческую миссию и призвание Руси. Пали Рим и Константинополь, и теперь в роли мирового лидера должен выступить третий, вечный Рим – Москва. Однако это гегемония не меча и силы, а слова Христа. Москва становится оплотом православной веры и духовным центром борьбы с мировым злом. Филофеем гениально «угадал» историческую миссию Руси, которую она осуществляет на протяжении многих веков. Эта глубокая историческая традиция, вернее, духовное наследие ярко проявилось в наши дни.

Современная Россия вновь встала на борьбу с мировым злом – нацизмом, с притязаниями на мировое господство США, с разложением христианства в Европе и мире, безнравственностью новых проповедников свободы и безнравственностью греха [6, с. 280–291]. У истории плотная ткань, и ее не в силах порвать ни войны, ни различного рода катаклизмы и бедствия, ни предательство элит... Сегодня это стало убедительной очевидностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселев А. Ф. У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия. М.: Логос, 2019. 364 с.
2. Киселев А. Ф., Лубков А. В. Судьбоносные святые Кирилл и Мефодий // Высшее образование сегодня. 2021. № 3. С. 64–75.

3. Федотов Г. П. Три столицы // Святые Древней Руси. М., 2003. С. 513–532.
4. Киселев А. Ф., Лубков А. В. Русь: от язычества к православной государственности. М.: Вече, 2022. 464 с.
5. Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Ключевский В. О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. С. 308–321.
6. Киселев А. Ф., Лубков А. В. Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от Античности до наших дней. М.: Вече, 2020. 320 с.

REFERENCES

1. Kiselyov A. F. *U vsyakogo naroda est rodina, no tolko u nas – Rossiya*. Moscow: Logos, 2019. 364 p.
2. Kiselyov A. F., Lubkov A. V. Sudbonosnye Kirill I Mefodiy. *Vyshee obrazovanie segodnya*. 2021, No 3, pp. 64–75.
3. Fedotov G. P. Tri stolitsy. In: *Svyatye Drevney Rusi*. Moscow, 2003. Pp. 513–532.
4. Kiselyov A. F., Lubkov A. V. *Rus: ot yazychestva k pravoslavnoy gosudarstvennosti*. Moscow: Veche, 2022. 464 p.
5. Kluchevsky V. O. Znachenie prepodobnogo Sergiya dlya russkogo naroda i gosudarstva. In: *Klyuchevskiy V. O. Pravoslavie v Rossii*. Moscow: Mysl, 2000. Pp. 308–321.
6. Kiselyov A. F., Lubkov A. V. *Chelovek v zerkale stoletiy. Poiski idealov lichnosti ot Antichnosti do nashikh dney*. Moscow: Veche, 2020. 320 p.

Киселев Александр Федотович, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, председатель Попечительского совета, Московский педагогический государственный университет

e-mail: ksovet@gmail.com

Kiselyov Alexander F., Member of the Russian Academy of Education, ScD in History, Full Professor, Chief, Regents of the University, Moscow Pedagogical State University

e-mail: ksovet@gmail.com

Лубков Алексей Владимирович, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, ректор, Московский педагогический государственный университет

e-mail: av.lubkov@mpgu.su

Lubkov Alexey V., Member of the Russian Academy of Education, ScD in History, Full Professor, Rector, Moscow Pedagogical State University

e-mail: av.lubkov@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 29.03.2023

The article was received on 29.03.2023